

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г Л А В А XII¹⁾.

Внезапно я была разбужена голосомъ, въ которомъ звучало тревожное недоумѣніе:

— Что съ тобой, дорогая, любимая моя? Что такъ ужасно поразило тебя?—спросилъ Тафти, наклоняясь ко мнѣ, при чемъ взглядъ его блеснулъ подобно яркой звѣздѣ въ темную ночь.

Но мысли мои все еще скользили въ потемкахъ кошмара за предѣлами реальной жизни, наполняя меня сонливыми грезами, и я никакъ не могла опредѣлить, было ли то видѣніе, дѣйствительность или же бредъ затуманенной фантазіи.

— Узинь!—позвалъ бей нубійца и сказалъ ему по-турецки:—*дюльберимъ*²⁾ озябла—надо ее закутать и перенести въ кайкъ...

— Эветъ, эфендимъ!—отозвался черный невольникъ, бросаясь къ лодкѣ, и вскорѣ принесъ оттуда какой-то свертокъ въ бумагѣ.

Точно холодная, костлявая рука смерти вдругъ легла мнѣ на сердце; воспоминанія проснулись; яркіе огоньки затрепетали въ глазахъ и на фонѣ ихъ создавалась оптическая иллюзія легендарнаго мѣшка...

— Боже мой! Боже мой!—вырвалось стономъ изъ груди и напряженіемъ нервной силы, не сдерживая безумія ужаса, я вскочила на ноги съ громкимъ крикомъ: „помогите! спасите!“—но изму-

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1911 г.

²⁾ Моя красавица.

ченая до крайности и продолжая галлюцинировать, упала снова, какъ бы уничтоженная совсѣмъ.

— Аллахъ бенымъ!—кого же она зоветъ?—растерянно прошептала Тафти.

Преданный слуга отвѣтилъ загадочной мимикой, и оба отошли на нѣсколько шаговъ дальше.

За плескомъ прибоя слова не доносились до меня; но я видѣла ясно, судя по выразительной жестикуляціи раба, что послѣдній убѣждалъ своего господина не особенно церемониться съ *невѣрной гяуркой*, а мой прекрасный бей также замѣтно горячился и, наконецъ, хмурый, раздраженный вернулся ко мнѣ.

— Да откуда тебѣ что-то мерещится и представляется, красавица моя, тогда какъ рѣшительно ничто не угрожаетъ твоей драгоценной особѣ?—не скрывая ироніи, говорилъ онъ, и странная усмѣшка дрожала у него на губахъ:—съ другой же стороны мнѣ думается невольно, что ты просто капризничаешь по свойственнымъ вашему женскому отродью причудамъ, какъ утверждаетъ Узинъ и вѣроятно, что такъ!...

Съ этими словами онъ развязалъ „подозрительный свертокъ“, предметъ моихъ терзаній, который оказался великолѣпной турецкой шалью, и очень заботливо накинулъ ее мнѣ на плечи.

Такой совершенно непредвидѣнный оборотъ дѣла подѣйствовалъ на меня, точно душъ холодной воды, и заставилъ очнуться: туманъ, висѣвшій надъ моимъ сознаніемъ, разсѣялся, призраки скрылись и, побѣжденная неотразимымъ влеченіемъ къ нему, я обвилась вокругъ его шеи въ горячемъ порывѣ любви.

— Скажи лучше, кого ты призывала на помощь?—рѣзкимъ диссонансомъ поразило мой слухъ:—ужь не того ли африканца? Интересно!...

Мое настроеніе сразу оборвалось. Что-то смутное подсказало мнѣ большую осторожность и, слѣдуя тайному внушенію, я не осмѣлилась сказать ему, что подозрѣвала его въ преступномъ намѣреніи расправиться со мной по-азіатски.

— О, Тафти, мой дорогой другъ! да ничего подобнаго, клянусь тебѣ! Ну, если хочешь знать, правда въ томъ, что мнѣ и въ самомъ дѣлѣ померещилось какое-то чудовищное видѣніе съ рогами и съ мѣшкомъ въ рукахъ!, а когда ты свистнулъ, то оно быстро такъ стало надвигаться на меня, и что произошло затѣмъ—не помню!... рассказывала я, импровизируя и сама не зная, что бы еще такое придумать, лишь бы успокоить моего строптивого собесѣдника; но онъ, взглянувъ на меня съ насмѣшливымъ удивленіемъ, перебилъ:

— Отсюда слѣдуетъ, что черти находятся въ моемъ непосредственномъ распоряженіи—великолѣпно! Ну, милая моя, ты не особенно далеко ушла отъ Элиме съ ея дракономъ! И не правъ ли былъ одинъ мудрый дервишъ, когда сказалъ, что въ бляеніи овцы больше здраваго смысла, чѣмъ въ рѣчахъ женщины. Такъ и въ данный моментъ: очевидно, тебѣ приснился чортъ съ мѣшкомъ, и ты подняла цѣлую исторію, а еще образованная европейка! Вотъ и разсуждай теперь о преимуществахъ западнаго просвѣщенія надъ суевѣріемъ Востока!—громко смѣялся онъ, цѣлуя мнѣ руки и согрѣвая ихъ своимъ дыханіемъ; но глаза его загадочно мерцали.

Я смотрѣла на него съ глубокимъ восхищеніемъ, и красота этого лица въ лунномъ освѣщеніи казалась мнѣ прямо волшебной.

Тѣмъ временемъ нубіецъ причалилъ фелуку къ намъ ближе и подаль знакъ садиться.

— Однако, пора уходить въ море,—сказалъ Тафти. Сомнѣніе опять задѣло меня и нервнымъ холодкомъ пробѣжало вдоль спины:

— А что, если вся эта затѣя не что иное, какъ ловушка, скрытая игра кошки съ мышью? назойливо шевелилось въ душѣ, но выбора не было...

— Тафти,—почти безсознательно спросила я:—ты отвезешь меня домой сейчасъ—не правда ли?

— Какъ сейчасъ?—удивился онъ:—нѣтъ, мой дорогой, райскій цвѣточекъ, останься еще со мной: для того я и привелъ тебя сюда, чтобы покататься съ тобою въ лодкѣ—ночь такъ обворожительно хороша!

— Къ сожалѣнію,—добавилъ онъ мечтательно:—мы все время только ссорились и, такимъ образомъ, не успѣли даже обмѣняться мнѣніями о практической сторонѣ дѣла—вотъ и случай использовать моментъ!

— Такъ почему же ты раньше не объяснилъ мнѣ своего намѣренія, а устроилъ что-то непонятное и очень странное?—теряя власть надъ собой, съ невольнымъ подозрѣніемъ въ тонѣ спросила я.

Тѣнь досады омрачила его прелестныя черты, и тонкія, изящныя брови сердито сдвинулись.

— Что же тутъ непонятнаго или подозрительнаго!—вспыхнулъ красавецъ негодованіемъ:—ну, просто мнѣ улыбнулась мысль поразить тебя эффектомъ внезапнаго появленія моей хорошенькой фелуки, въ родѣ того, какъ мы читаемъ въ сказкахъ; но я знаю, что ты думаешь!.. впрочемъ, у франковъ всегда такъ бываетъ!—сжимая зубы, не договорилъ онъ чего-то.

— Напримѣръ?—перебила я и получила въ отвѣтъ:

— Терпѣть не могу, когда женщины слишкомъ много разсуждаютъ: ваше дѣло любить насъ и нравиться намъ!—при этомъ онъ взглянулъ такъ, что спорить съ нимъ у меня пропала всякая охота.

— Эфендимъ!—громко и фамиллярно обратился къ нему евнухъ:— когда же мы тронемся отсюда? Давно пора: рыбаки уже возвращаются къ берегу—то-то будетъ скверно, если они увидятъ тебя ¹⁾ съ франкой—забирай ее скорѣй!..

Тафти вздрогнулъ, точно просыпаясь, а затѣмъ, безъ всякихъ усилій приподнявъ меня на руки, перенесъ въ каикъ. Гребецъ взмахнулъ веслами, и наша утлая ладья, воздушная, какъ птичка, развернувъ свой парусъ, помчалась впередъ, ныряя съ волны на волну.

Вѣтеръ приносилъ аромать цвѣтущихъ рощъ и долинъ; за бортами въ струяхъ воды играли рефлексы лучистаго неба, а томная луна, плавающая надъ міромъ, ласково и нѣжно смотрѣла мнѣ прямо въ глаза.

Спутникъ мой, задумчивый и блѣдный, управляя рулемъ, внимательно слѣдилъ за ходомъ фелуки, которую подбрасывало и швыряло то вправо, то влѣво крупною зыбью съ бѣлыми гребешками.

Вскорѣ мы выбрались изъ области волненія и перешли въ полосу затишья восточной бухты, куда не доносились бурные порывы сирокко, дувшаго съ береговъ Африки. Здѣсь море, сверкая огненными бликами луннаго свѣта, съ нѣжнымъ рокотомъ наполняло дремавшую атмосферу звучностью своей вѣчной мелодіи; цѣлый дождь брильянтовыхъ капель сыпался къ намъ въ лодку при каждомъ взмахѣ весла—декорація этой чудной, голубой ночи могла присниться развѣ только художнику или поэту...

Тафти бросилъ руль, и мы закачались надъ бездонной глубиной.

— Что же, успокоилась ты, наконецъ?.. Вѣришь ты мнѣ?—вѣришь, что я привязанъ къ тебѣ всѣми фибрами души?—спрашивалъ онъ отрывистымъ шепотомъ, привлекая меня къ себѣ.

— Да! да!—былъ мой отвѣтъ, и необъятная полнота радости широкимъ потокомъ вдругъ хлынула къ сердцу—тогда счастье быть всегда съ нимъ представилось мнѣ такимъ громаднымъ, такимъ безграничнымъ, что стало казаться прямо невозможнымъ!

Все еще потрясенная, но безъ борьбы уже захваченная въ плѣнъ

¹⁾ Въ турецкомъ языкѣ не принято наше вѣжливое „вы“ въ обращеніи къ единичному лицу, и даже рабы говорятъ своимъ господамъ „ты“.

фатальной силой его удивительнаго очарованія, я жадно слушала слова любви, воображая, что у меня выросли крылья, и мы оба летѣли къ новымъ горизонтамъ, за которыми скрывался путь, усыянный розами.

— Мы побѣдимъ и возьмемъ свое счастье,—говорилъ онъ какъ бы въ экстазѣ:—Довольно я страдалъ и задыхался въ тискахъ гаремнаго фанатизма, а теперь хочу снять цѣпи и зову тебя раздѣлить со мною жизнь. Но чтобы успокоить твою совѣсть клянусь тебѣ священнымъ именемъ пророка и честью мусульманина, что всегда ты будешь моей единственной женой и что ни одна женщина не станетъ между нами—такъ пусть же это словесное обѣщаніе замѣнитъ намъ документъ брачнаго контракта.

Онъ прислонился головой къ моему плечу и съ пылкой страстью обнималъ меня, а я, не отрывая глазъ, любовалась имъ, размышляя о томъ, что счастье только въ любви и что разумъ никогда не побѣдитъ сердца.

— Гроби къ западной косѣ! — крикнулъ Тафти нубійцу. Широкая волна подхватила насъ и унесла за предѣлы виѣшняго рейда, въ сторону отъ сѣвернаго берега залива, гдѣ на фонѣ городского бульвара выступали контуры зданія нашего русскаго консульства съ мачтой надъ крышей для національнаго флага, этой святой эмблемы далекой родины.

Во мнѣ что-то болѣзненно дрогнуло и словно магнитомъ потянуло къ тому, что, казалось, ушло безвозвратно отъ моего существованія. Однако, почему же такъ?.. Ахъ, если бъ можно было отвѣчать на всѣ „почему“ и „отчего“, то вѣроятно мы жили бы какъ боги.

— Мой дорогой, ненаглядный, — заговорила я не совсѣмъ увѣренно, какъ бы не рѣшаясь подойти къ рискованной темѣ: — вернемся назадъ — оттуда ближе до города.

— Нѣтъ! — рѣзко возразилъ онъ: — твой маршрутъ никуда не годится.

Слишкомъ хорошо знакомая съ его нравомъ, я удержалась отъ протеста.

Ночь таяла, расплываясь въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ; лиловые туманы бродили по склонамъ горъ, всползая на ихъ вершины; звѣзды одна за другой уплывали неизвѣстно куда.

Вотъ и Большая Медвѣдица свалилась на край небосклона и стала блѣдная, блѣдная... Мнѣ тогда же пришло на умъ, что она непременно сказала бы: „какъ я устала, какъ уморилась, перетаскивая съ мѣста на мѣста, отъ экватора къ полюсу и обратно эту громоздкую, тяжелую колесницу — пора, пора заснуть!“

Навстрѣчу могучему солнцу уже вышла прелестная Венера, звѣзда любви, и улыбалась тѣмъ, кто не спалъ, а любовался ея красотой.

Крикъ чайки огласилъ воздухъ и послужилъ точно сигналомъ къ пробужденію мусульманскаго міра: съ бастіона крѣпости ударила пушка Езана ¹⁾; ей отвѣтила военная эскадра, и тотчасъ же съ вышки минарета запѣлъ муэдзинъ: „Ла иль Алла иль Аллахъ, ве Мухаметъ ресуль Аллахъ!“

Гребецъ направилъ фелуку къ песчанымъ отмелямъ косы и причалилъ ее вплотную къ берегу.

— Ну, идемъ! — сказалъ мой дорогой спутникъ, чрезвычайно огорченный необходимостью разлуки: по этой дорогѣ никто не ходитъ, а слѣдовательно нѣтъ основаній тревожиться, что насъ увидятъ.

И мы рука объ руку тронулись въ путь.

— Да, полно, не волнуйся, драгоценнѣйшее мое сокровище! — говорилъ онъ съ выраженіемъ тоски въ голосѣ: — у васъ еще будутъ спать, когда ты уже вернешься въ свою комнату. Двери, конечно, намъ отворить Али — я прикажу ему не болтать, и онъ не осмѣлится, понятно!...

Но меня захватила минута другого настроенія: я, наконецъ, поняла, что зашла нѣсколько дальше, чѣмъ сама того ожидала, и представила себѣ положеніе вещей въ настоящемъ ихъ видѣ, а затѣмъ печальныя недоразумѣнія отсюда въ служебной карьерѣ моего дяди, замѣнявшаго мнѣ родного отца.

— Нѣтъ, Тафти, нѣтъ! — возражала я, задыхаясь въ страстномъ порывѣ раскаянія, какъ бы желая укрыться отъ чего-то преступнаго и недостойнаго моего сердца: — нельзя начинать съ предательства: Богъ не благословитъ нашего брака — все равно, у меня не хватитъ рѣшимости и настолько злой воли, чтобы обмануть дядю и тетю...

— Вотъ какъ?!... — протянулъ онъ, сжимая мнѣ руки до боли и сверкая зрачками: — это уже мѣняетъ сущность дѣла!.. говори, что дальше?..

— Я буду на колѣняхъ умолять ихъ, — былъ мой отвѣтъ: — они такъ добры, такъ великодушны...

— Однако, тебѣ по всѣмъ вѣроятіямъ очень спать хочется, и ты начинаешь грезить на яву, не давая мнѣ высказаться, — съ нехорошей усмѣшкой перебилъ Тафти: — а иначе, какъ объяснить твою фантазію? Ну, можно ли даже подумать, что представитель

¹⁾ Молитва передъ восходомъ солнца.

государства, чиновникъ Русской Короны, возьметъ на себя инициативу сближенія православной, да еще родной племянницы съ магометаниномъ? Правда, что Создатель не одарилъ васъ, женщинъ, такимъ разумомъ, какъ мужчину, но соображать все-таки надо! — прибавилъ онъ убѣжденно. Здѣсь, конечно, ярко сказалось мусульманское предубѣжденіе по отношенію къ женскому полу вообще.

— Боже мой, какой мракъ! — думалось мнѣ, и почва стала уходить изъ-подъ ногъ.

А въ то же время мой собесѣдникъ продолжалъ:

— Тяжело и обидно все это; но что подѣлаешь, если такова печальная необходимость! Писанный законъ одно, а законъ сердца — другое; не могу же я по указаніямъ дипломатин, напрімѣръ, не любить тебя и отвернуться отъ счастья, которое такъ неудержимо манитъ съ себѣ...

Слова эти подѣйствовали на меня, какъ шампанское, и голосъ разсудка оказался безсильнымъ въ борьбѣ съ чувствомъ.

— Никакой законъ и никакая власть на землѣ не оторвутъ моего сердца отъ твоего! — съ увѣренностью любви сказала я, воображая, что непременно все такъ и будетъ, какъ представлялось мнѣ тогда.

— Благодарю тебя, моя радость, моя свѣтлая мечта! — отвѣтилъ онъ съ глубокимъ волненіемъ и прибавилъ: — да развѣ стоитъ жить, если ты не будешь со мной...

— Бѣдный, милый дядя! — ласкаясь къ плѣнительному красавцу и прислушиваясь къ упрекамъ совѣсти, размышляла я, глотая непрошенную слезу: — гдѣ искать теперь выхода, когда жребій уже брошенъ?.. Впрочемъ... — И по неувимой ассоціаціи идей въ глубинѣ моего сознанія вдругъ открылась тайная лазейка...

Заря разгоралась по всему небосклону, и въ сіяніи наступавшаго дня угасала прелестная Венера.

Мы подошли къ дому. Окна вездѣ были прикрыты ставнями — крѣпкій утренній сонъ еще царилъ подъ крышей моего жилища.

— Вотъ сюда уже не будетъ возврата—я унесу тебя въ другую жизнь, — сказалъ мой женихъ, указывая на фронтоны консульства, гдѣ величественно красовался „двуглавый орелъ“, священный символъ великой русской державы.

И опять что-то болѣзненно задрожало во мнѣ.

Но прежде, чѣмъ разстаться, мы обмѣнялись жаркими объятіями и клятвами — такимъ образомъ судьба моя была рѣшена безповоротно.

На осторожный стукъ въ дверь вышелъ кавасъ.

Тогда неожиданно разыгралась сценка, которая могла бы насмѣшить посторонняго наблюдателя. Обыкновенно чрезвычайно почтительный нашъ милый Али вмѣсто того, чтобы отдать воинскую честь адъютанту паши, бросился назадъ къ двери, затѣмъ вернулся, протеръ себѣ глаза и, наконецъ, вся фигура окончательно растеряшагося старика преобразилась въ поляйшее, безграничное недоумѣніе; но во взглядѣ его, какъ по книгѣ, не трудно было прочитывать: благородный эфенди и въ роли провожатаго—да еще кого?—женщины, христіанки! Нѣтъ! здѣсь прямо навожденіе дракона, точно для этого не существуютъ голодные, турецкіе солдаты? Ну и пусть себѣ гяуры нанимають ихъ за деньги! но офицеръ арміи Падишаха...

Тафти отозвалъ его въ сторону и что-то сказалъ ему, а затѣмъ удалился.

— Маленькая кокона! -- робко и нерѣшительно обратился ко мнѣ Али, видимо смущенный до глубины души такимъ невѣроятнымъ по его мусульманскому міровоззрѣнію событіемъ, —если господа спросятъ меня, съ кѣмъ ты пришла, такъ что же я скажу имъ? высокородный бей приказалъ никому не говорить, что онъ провожалъ тебя?..

Не знаю почему, но мнѣ стало ужасно весело, когда я взглянула на забавно растерянную фізіономію нашего добраго, вѣрнаго стража, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности до послѣдняго дыханія своей жизни.

— Милый, хорошій Али, — былъ мой отвѣтъ: — ты расскажешь имъ то, что видѣлъ собственными глазами — вотъ и все!

Онъ только развелъ руками и, укоризненно качнувъ головой, двинулся впередъ, чтобы проводить меня наверхъ.

— Да охранить тѣнь Аллаха твой сонъ! — услышала я пожеланіе, съ которымъ и вошла къ себѣ въ комнату.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

